

УДК 167.7+30

Буланенко М. Е., Поповкин А. В.

Между Сциллой и Харибдой: об эмпиризме и априоризме в регионоведческих исследованиях

Наша статья относится к области философии науки – предмету, который мы уже много лет исследуем на кафедре философии ДВО РАН и преподаём аспирантам академических институтов. В своей статье мы хотели бы высказать несколько методологических соображений по поводу регионоведческих исследований, причём речь прежде всего пойдёт о наиболее близкой нам области – сравнительных исследованиях в сфере духовной культуры. Собственно, наши соображения отчасти и родились в ходе занятия такими исследованиями, и мы надеемся, что они окажутся небезынтересны и бесполезны не только для философов. Поскольку наша статья имеет критический характер, мы за редким исключением не будем упоминать имён и произведений коллег, чтобы показать, что наша критика относится к исследовательским подходам, а не к учёным, которые этих подходов придерживаются.

Две крайности научных исследований: опыт без теории и теория без опыта

Наше основное убеждение состоит в том, что для регионоведческих исследований равно неблагоприятны как отказ от теоретического мышления в пользу более или менее широких описаний и обобщений эмпирических данных, так и построение априорных теоретических конструкций, под которые потом более или менее удачно подгоняются те или иные эмпирические данные. Последнее, пожалуй, может оказаться даже более неблагоприятным, поскольку может создать у неспециалистов ложное впечатление необычайной лёгкости понимания и объяснения чужой культуры, а у специалистов вызывать отторжение по отношению к теоретическому мышлению как к чему-то поверхностному, неосновательному и излишнему. Поэтому именно увлечению априорными теориями в регионоведении мы в основном и посвятим дальнейшее рассмотрение. Высказанное нами убеждение может показаться очевидным, и в таком общем виде его действительно нетрудно обосновать. Но мы рассчитываем на то, что из предлагаемого нами ниже разбора нескольких показательных примеров станет яснее, насколько распространено и влиятельно априорное теоретизирование в сравнительных исследованиях, насколько привычным оно стало и насколько большим препятствием может оказаться для подлинного постижения других культур. Выявление не всегда заметных недостатков априорных теорий и выдвижение методологических предложений по их преодолению мы и считаем главной задачей своей статьи.

Априорное и апостериорное, аналитическое и синтетическое в научных теориях

Для начала несколько терминологических пояснений. Со времён Канта *априорными* называют высказывания, содержание которых принимается независимо от данных эмпирического опыта. Как правило, такие высказывания бывают *аналитическими*, т.е. их истинность или ложность может быть установлена только на основании значений входящих в них выражений, без

© Буланенко М. Е., Поповкин А. В., 2020

БУЛАНЕНКО Максим Евгеньевич, канд. филос. наук, доцент кафедры философии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: maxim.bulankenko@gmail.com

ПОПОВКИН Андрей Владимирович, канд. филос. наук, заведующий кафедрой философии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). E-mail: andrey.popovkin@gmail.com

привлечения дополнительных фактов. Например, "Часы – это приборы для измерения времени" будет аналитически истинным высказыванием, которое имеет априорный характер, т.е. может быть принято и без обращения к опыту. А вот для установления истинности высказывания "На Спасской башне Кремля установлены часы" одних только значений слов будет недостаточно, потребуется установить, соответствует ли это высказывание действительному положению дел, т.е. факту. Такие высказывания называют *синтетическими*, и, как считается, именно они расширяют круг наших сведений о мире. Синтетические высказывания, как правило, *апостериорны*, т.е. принимаются только на основе данных эмпирического опыта¹.

Однако Кант полагал, что синтетическими, т.е. обогащающими наше знание о мире, могут быть и априорные высказывания. К ним он относил в первую очередь математические высказывания и основные положения естественных наук, в частности, законы сохранения в физике. В настоящее время математические высказывания принято считать аналитическими, т.к. они представляют собой или определения (в том числе аксиомы, которые со времён Давида Гильберта понимаются как неявные определения), или теоремы, полученные из определений с помощью правил логического вывода. Физические же высказывания (за исключением определений), в том числе самые общие естественнонаучные принципы, относят в наши дни к апостериорным, т.к. их принятие или отказ от них зависят от данных эмпирического опыта (история современного естествознания наглядно показывает, что пересмотру на основе данных опыта подвергались и принципы, прежде казавшиеся самоочевидными, например, принцип близкодействия, отвергнутый квантовой теорией).

В итоге в естественных науках не осталось места для синтетических априорных высказываний, да и сама их априорная часть существенно сократилась (до определений основных понятий и логических оснований естественнонаучных теорий) и утратила своё прежнее значение. Кроме того, сомнению было подвергнуто само существование синтетических априорных высказываний в том виде, в котором они были введены в философию Кантом. Вместе с тем в XIX в. – во многом под влиянием теорий истории и культуры, возникших в немецком идеализме (прежде всего у Гегеля и Шеллинга) – в гуманитарных науках всё больше распространяются теории, основные положения которых выглядят как синтетические априорные высказывания (например, положение о том, что у истории человечества есть единая цель). И в отличие от естественных наук гуманитарные науки по-прежнему широко используют теории подобного рода, хотя совершается это далеко не всегда осознанно.

Реализм и инструментализм в оценке научных теорий: преимущества и недостатки

Ещё одно важное терминологическое различие – это различие между *наблюдаемыми* и *ненаблюдаемыми* (теоретическими) предметами (слово "предмет" следует здесь понимать в самом широком смысле – как эквивалент слов "что-то" или "нечто"). В теориях допускается существование ненаблюдаемых предметов (например, кварков в ядерной физике, обладающих порой самыми невероятными свойствами, наподобие "аромата" или "очарования"), поскольку это позволяет лучше понять данные наблюдений и экспериментов. При этом часть учёных и философов науки полагает, что теоретических предметов на самом деле не существует, а их допущение имеет инструментальный характер и предназначено исключительно для лучшего описания и обобщения эмпирических данных². Противоположная и, пожалуй, более распространённая и влиятельная точка зрения заключается в том, что теоретические предметы не менее реальные, чем наблюдаемые. Для обоснования этого, как правило, используются те или иные разновидности индуктивного аргумента

¹ Следует отметить, что в современной философии различие между аналитическими и синтетическими высказываниями уже давно не считается безусловным. Об этом см. известную статью [6].

² В физике, например, одним из самых известных критиков реальности субатомных частиц был Пьер Дюгем, французский физик и философ науки. Подробнее о его взглядах см. книгу [4].

"от наилучшего объяснения": допущение существования теоретических предметов позволяет наилучшим образом объяснить существование и свойства наблюдаемых предметов, значит, теоретические предметы действительно существуют. Однако этот аргумент является не строго логическим, а лишь более или менее правдоподобным, так что позиция теоретических реалистов оказывается уязвима для критики со стороны их противников³.

Сомнение в существовании теоретических предметов стало отличительной чертой позитивизма Огюста Конта, и начиная с XIX в. позитивизм, понимаемый как отказ от допущения каких бы то ни было предметов за пределами эмпирических данных, стал приобретать в гуманитарных науках влияние не меньшее, чем априорное конструирование теорий. Последнее, в свою очередь, было отвергнуто не только позитивистами, но и умеренными теоретическими реалистами, ведь в силу оторванности от эмпирических данных априорные теоретические допущения кажутся малоосновательными и произвольными. В современных гуманитарных науках, в том числе и в России, широко представлены обе крайние позиции, причём позитивистская установка (пусть и не всегда осознаваемая и называемая) зачастую признаётся более научной, так как кажется более экономной (не допускает "сущностей без необходимости") и, соответственно, не выдвигает познавательных притязаний, которые трудно оправдать. Главный недостаток этой установки заключается в том, что она может приводить к молчаливому отказу от построения даже инструменталистски понимаемых теорий, и в этом случае описание и обобщение эмпирических данных совершается в отсутствие общезначимой познавательной цели. Ясно, что подобные изыскания могут иметь лишь ограниченную научную значимость, представляя собой скорее образец фактографии, чем полноценное исследование. В свою очередь, априорные теории приобретают громкую известность (достаточно вспомнить "столкновение цивилизаций" С. Хантингтона), но слабо согласуются с эмпирическими данными или же прямо противоречат им, а потому обладают не очень значительной объяснительной силой.

Априоризм в отечественных гуманитарных науках: теория типов И. В. Киреевского как образец для последующего теоретизирования

В отечественной науке построение обширных априорных теорий в области общественных и гуманитарных наук имеет давнюю традицию и в развитии виде встречается уже в XIX в. Одна из первых теорий подобного рода была предложена И. В. Киреевским в его статьях "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России" (1852 г.) и "О необходимости и возможности новых начал для философии" (1856 г.)⁴. В этих работах, последняя из которых существенно исправляет и дополняет первую, И. В. Киреевский предпринимает попытку обширного истолкования истории человечества, прослеживая в ней действие нескольких универсальных и неизменных образцов, составными частями которых он называет образование, общественное и государственное устройство, а также характер поместной церкви⁵.

И хотя в наши дни едва ли кто-то из учёных вспоминает о теории И. В. Киреевского, сам ход его мысли, направленный на построение простой и наглядной априорной классификации для понимания сложных общественных и духовно-исторических явлений, по-прежнему близок многим исследователям как в России, так и за рубежом. Объяснить и понять что-либо при таком подходе означает просто отнестись это в тот или иной раздел классификации: чтобы создать впечатление исчерпывающего понимания и взаимопонимания одному исследователю достаточно просто сказать другому что-то вроде "это – типичный пример иерархичности, свойственной восточной ментальности".

³ Краткое изложение спора между реалистами и инструменталистами см. в 4 главе книги [20]. Особое влияние инструментализм приобрёл в недавнее время благодаря работе Баса ван Фрасена [12].

⁴ Обе работы содержатся в сборнике [5].

⁵ Подробнее о философии И.В. Киреевского, в частности о его теории типов, см. статью [2].

Исчерпывающий список даже самых известных априорных классификаций подобного рода привести здесь не представляется возможным, но среди них – культурно-исторические типы Н. Я. Данилевского, циклически развивающиеся замкнутые этносы Л. Н. Гумилёва, "дао" и "логос" Т. П. Григорьевой, обособленные друг от друга культуры О. Шпенглера, "цивилизации" С. Хантингтона, "география мысли" Р. Нисбетта и многое другое. Все эти теории, включая теорию И. В. Киреевского, по-прежнему оказывают осознаваемое или не осознаваемое самими учёными влияние на сравнительные и региональные исследования, в частности на исследования в области духовной культуры. В этом смысле предлагаемое нами ниже краткое изложение теории И. В. Киреевского будет не столько экскурсом в историю науки, сколько обобщающим описанием типичных черт априорного теоретизирования в социальных и гуманитарных науках, претерпевшего за прошедшие полтора столетия мало изменений.

Современник и единомышленник И. В. Киреевского А. С. Хомяков охарактеризовал исследовательскую задачу И. В. Киреевского (с которой тот, по его мнению, вполне успешно справился) как "*определение типов западного и восточного* [курсив в оригинале. – Авт.], т.е. тех идеалов, которые лежат в основе двух разнородных просвещений и двух разнородных историй" [7, с. 521]. Сам И. В. Киреевский термин "тип" не употреблял, а его теория истории в той или иной степени затрагивает Римскую империю, Византию, западноевропейские государства, Россию, а также сирийское, александрийское и арабское общества. Тем не менее оценку А. С. Хомякова в целом следует признать верной, так как в описании И. В. Киреевского Римская империя и современные западноевропейские государства принадлежат к одному типу, который условно можно назвать "западным" [ср. 5, с. 259–260], а Византия, Россия, сирийское и александрийское общества – к другому, который можно назвать "восточным". В свою очередь, арабское общество образует отдельный тип, который скорее родствен западному.

Типы И. В. Киреевского – это не эмпирические обобщения историка, а идеальные объекты в платоновском смысле, универсалии, которые в ходе истории всегда идентичны себе, даже если осуществляются в разных народах⁶. При этом существенным свойством восточного типа является духовная цельность, тогда как западного – духовная раздробленность, приводящая к обособлению и конфликту отдельных духовных способностей человека [5, с. 287]. Относительное благополучие достигается здесь только благодаря разуму, который обеспечивает хотя бы внешнее единство и связность во всех областях жизни [ср. 5, с. 283, 260–262]. Несмотря на свою оторванность от реальной истории европейских народов, созданные И. В. Киреевским шаблоны за прошедшие полтора века ничуть не утратили своей привлекательности для отечественной науки – подобные противопоставления до сих пор встречаются в исследовательской литературе и публицистике на каждом шагу.

Описанные И. В. Киреевским типы придают социальной и духовной реальности неизгладимо детерминистский характер. Но этот идеалистический детерминизм настолько разошелся с известной самому И. В. Киреевскому историей Европы, что в своей последней большой работе он уже пытается вводить интенциональные объяснения, допускающие влияние свободных деятелей на ход истории. Кроме того, в этой работе он гораздо более разносторонним образом использует эмпирические данные исторической науки, что существенно дополняет и поправляет его первоначальные описания типов. В этом отношении И. В. Киреевский по-прежнему может служить примером добросовестного исследователя, готового поступиться своими априорными теоретическими соображениями, если они обнаруживают свою несостоятельность.

Виды объяснений в науке. Трудности, связанные с объяснениями, в гуманитарных науках

Здесь следует сделать краткое разъяснение. В философии науки *объяснение* понимается как указание *причины* того или иного положения дел. И в соответствии с видами причин различают и несколько видов объяснений: *ка-*

⁶ На проистекающие отсюда расхождения с фактами (в частности, с фактами русской истории) обращает внимание опять же А. С. Хомяков [7, с. 456–470].

узальные объяснения указывают действующую причину, т.е. событие, которое привело к возникновению имеющегося положения дел, а функциональные и интенциональные объяснения в качестве причины указывают оптимальное состояние, достижение которого не предполагает сознательных намерений (в случае функционального объяснения) или предполагает сознательные намерения (в случае интенционального объяснения)⁷. Каузальные объяснения в наибольшей степени используются в физических науках, функциональные – в биологических, а интенциональные – в гуманитарных и социальных. Функциональное объяснение в биологии состоит в указании на то, что появление того или иного биологического признака вызвано его необходимостью для приспособления к условиям окружающей среды. И хотя наличие этого признака в принципе всегда можно объяснить и каузально (как результат последовательных генетических изменений в ходе взаимодействия с окружающей средой), функциональное объяснение не становится ненужным или излишним: оно не только зачастую более доступно, чем каузальное, но и указывает на важную особенность живого – тенденцию к достижению и поддержанию оптимальных состояний. Однако действенность функциональных объяснений в области биологии не должна приводить к их необдуманному переносу в область социальных и гуманитарных наук, что опять же становится всё более распространённым начиная с XIX в. Такой необдуманный перенос не только препятствует подлинному пониманию тех или иных явлений, но и порождает ряд значительных трудностей⁸.

Например, в теории И. В. Киреевского высокоразвитая рациональность имеет место в западном типе потому, что её собственная функция – обеспечение целостности и тем самым самосохранения общества западного типа и его членов. Однако если в биологии механизм отбора адаптивных признаков понятен (генетические изменения под влиянием окружающей среды), то здесь И. В. Киреевский ни о каком подобном механизме не упоминает. В итоге перед нами оказывается только видимость объяснения, не дающая реального понимания соответствующего явления. Хорошее интенциональное объяснение, которое указывало бы на сознательные цели тех, кто занимался совершенствованием рациональности, было бы в данном случае гораздо более уместным и познавательным.

Трудности, связанные с объяснениями, в априорных теориях

Как уже говорилось выше, сам И. В. Киреевский со временем всё больше прибегал к интенциональным объяснениям, однако и для него, и для его единомышленников (а их немало и в наши дни) с этим оказывается связана едва ли преодолимая трудность: если возникновение и действенность типов в истории можно объяснить интенционально, то типы утрачивают самостоятельное значение для объяснения, становясь ограниченными эмпирическими обобщениями социальных тенденций; если же мы припишем типам самостоятельную объяснительную силу, то она будет иметь или сомнительный функциональный, или ещё более энигматичный характер. В любом случае теория в духе И. В. Киреевского, построенная на априорной классификации типов, оказывается неудовлетворительной.

Не очень понятно и то, насколько и как совместимы друг с другом интенциональные и функциональные объяснения одних и тех же явлений. В самом деле, если возможно объяснить совершенствование рациональности интенционально, то нужно ли ещё дополнительно привлекать функциональное объяснение сомнительной ценности? Если для объяснения особенностей западноевропейских обществ нового времени требуется рассматривать пред-

⁷ Считается, что одним из первых функциональные объяснения в социальные и гуманитарные науки в XX в. ввёл один из основателей аналитического марксизма Джерри Коэн. См., в частности, главы IX и X его книги [9] (первое издание вышло в 1979 г.). Проницательный анализ логической формы функциональных и интернациональных объяснений можно найти в главах IV и V книги [11].

⁸ Критику функциональных объяснений в социальных и гуманитарных науках см. в статье Юна Эльстера [10]. В этом же номере журнала были опубликованы и возражения на его критику.

ставителей этих обществ как свободных деятелей, то что даёт допущение идеалистического детерминизма типов?

Древнекитайская философия как теория компьютерного мышления: Чед Хансен и его априорное понимание доханьской философии

Нетрудно убедиться в том, что построение априорных классификаций (со всеми присущими ими недостатками) – это дело не только далёкого прошлого и не только отечественной науки: оно процветает и в зарубежных регионоведческих исследованиях. Впервые мы соприкоснулись с этим при написании собственных разделов для коллективной монографии "Дао и телос", которая тоже имела регионоведческую тематику и должна была стать сравнительным исследованием в области духовной культуры, в частности философии. Один из авторов, теории которого подлежали разбору в монографии – профессор Гонконгского университета Чед Хансен, оказавший немалое влияние на изучение китайской философии как в самом Китае, так и за его пределами. Первая большая работа Ч. Хансена – "Язык и логика в Древнем Китае" (1983 г.) [14]. Изложенные в ней теоретические соображения он позже развивает в обширной статье "Язык в сердце-уме" (1991 г.) [16] и в книге "Даосская теория китайского мышления" (1992 г.) [17].

Уже беглое знакомство с произведениями Ч. Хансена показывает, что в своём подходе к изучению китайской культуры он всецело привержен такому же априорному теоретизированию, какое мы только что видели у И. В. Киреевского. И хотя Ч. Хансен тоже прямо не говорит о типах, в его работах отчетливо вырисовываются два противоположных типа философского мышления, один из которых можно условно назвать "западным", а другой – "(древне)китайским". Разница состоит, пожалуй, только в степени несходства типов друг с другом. Если у И. В. Киреевского восточный и западный тип отличались друг от друга цельностью и, соответственно, рассогласованностью духовной жизни, то для Ч. Хансена понимание мышления в древнекитайской философии радикально противопоставлено западному взгляду: с точки зрения древнекитайской философии, полагает Ч. Хансен, деятельность мышления состоит не в познании мира и сознательном руководстве жизнью человека, а в выполнении множества поведенческих программ, регулирующих социальное взаимодействие между индивидами.

Хотя Ч. Хансен, по его словам, в первую очередь предлагает интерпретацию древнекитайской философии языка и мышления, из его высказываний явствует, что сам он склонен поддерживать подход этой философии (в его собственной интерпретации) к её предмету – языку и мышлению, причём не только китайскому [16, с. 119–120]. По его мнению, специфика китайского языка определяет облик не только, собственно, древнекитайской философии языка, но и древнекитайской философии вообще, распространяясь далее на понимание этики и политики. Подобным же образом, по-видимому, обстоит дело и на Западе, где теоретическое осмысление языка также оказывается определяющим для других областей духовной жизни человека [16, с. 94–95, 119]. В этом отношении предлагаемая Ч. Хансеном интерпретация выходит за пределы одной лишь философии языка и мышления: речь уже скорее идёт о древнекитайском и западном типах теоретизирования вообще, а, возможно, даже и о двух типах культуры – наподобие тех, о которых в своё время писал И. В. Киреевский.

Ч. Хансен отмечает следующие особенности китайского языка, повлиявшие на характер древнекитайской философии:

(1) в нём не выделяются предложения как некоторое законченное выражение мысли, а центральным элементом языка выступает "имя" (*мин* 名) [16, с. 82];

(2) все "имена" за исключением личных – это неисчисляемые существительные [16, с. 83], и они относятся к (мереологическим) классам объектов, распределённым по пространству-времени ("mereological sets [...] scattered in the space-time") [14, с. 35];

(3) в нём слабо различаются изъявительное и побудительное наклонения, так что побудительные предложения имеют не меньше оснований считаться главным видом предложений, чем изъявительные, а понимание языка

в Китае определяется его предписывающей, а не описывающей функцией, как на Западе [16, с. 76, 84];

(4) использование языка ориентировано не на семантику, а на прагматику: язык используется для того, чтобы правильно проводить различия (*бянь* 辯), используя "имена" – не для определения их подлинных значений и установления истины, а для правильного поведения и социального взаимодействия [16, с. 84–85].

Вследствие этих особенностей древнекитайская теория языка, согласно Ч. Хансену, оказывается лишена адекватных эквивалентов для ряда понятий, считающихся основными в западных теориях: это такие понятия, как истина, мысленное представление (репрезентация), убеждение, а также знание, выразимое в форме предложений (пропозициональное знание) [16, с. 76–77]. Более того, он полагает, что понятие истины и такой пропозициональной установки, как убеждение (а, соответственно, и знание), в древнекитайской философии попросту отсутствует [15, с. 492, 500]. С этими и другими упомяннутыми выше понятиями, которые Ч. Хансен походя относит к "теории эпохи рококо", он советует расстаться – для правильного понимания древнекитайской философии [16, с. 96]. И вообще этой философии свойственно понимание языка не как средства описания или репрезентации действительности, а как инструмента социализации индивидов и координации их поведения [16, с. 77]. Поэтому, продолжает Ч. Хансен, наиболее близкой аналогией древнекитайской теории мышления была бы компьютерная теория мышления как синтаксической машины, получающей вводные данные и выполняющей запущенные на ней программы [16, с. 95–96].

Для того, чтобы составить себе представление о том, как должно было бы выглядеть человеческое мышление в глазах древнекитайских философов, достаточно ознакомиться с некоторыми основными категориями древнекитайской философии в интерпретации Ч. Хансена⁹:

(1) *дао* 道 ("путь"): руководящий или предписывающий дискурс – поведенческий код, который может выполняться различным образом. Дао в связке с *вэнь* 文 (культурой, в первую очередь литературой, а также музыкой) – это средство, с помощью которого общество обучает человека правильному различению;

(2) *синь* 心 ("сердце-ум"): центральный процессор, читающий и выполняющий программу (дао). Путём интерпретации тех дискурсов, в которых участвует человек, он направляет тело на совершение правильного поступка (в том числе произнесение определённых слов). Сердце-ум реагирует на внешние раздражители, оценивая их с точки зрения возможной реакции *ши-фэй* ("это / не это", "принятие / отказ", "да / нет", "за / против"). Это – "ветвление программы";

(3) *дэ* 德 ("сила", "добродетель", "внутренне дао"): врождённая программа, позволяющая усваивать дао, которым общество программирует человека. Так, освоение человеческого языка состоит в освоении следования дао, которое произносится или кодируется с использованием соответствующего языка. Таким образом врождённое *дэ* надстраивает в человеке приобретённое *дэ*, или, что то же, интернализирует дао. Приобретённое *дэ* индивидуально, и человек вынужден загружать в себя культурное *дао* до тех пор, пока он не станет мудрецом, и тогда он будет запускать программы (дао) в других.

(4) *ши-фэй* 是非 ("принятие-отказ"): бинарное ветвление программы, запускающее выполнение комплексных ситуативных программ. Обучение языку – правильно использовать "имён" – сопровождается корректировкой нашего поведения (в первую очередь, лингвистического) в зависимости от реакции окружающих. Интерпретация – это непрерывная активность *ши-фэй*, сопровождающаяся изменениями во внутренней *дэ*. В ином случае следование намеченному дао будет невозможным.

⁹ За более подробным описанием отсылаем к статье [1].

Трудности, связанные с объяснениями, в теории Ч. Хансена и её несоответствие эмпирическим данным

Действительно, в таком изложении древнекитайское понимание человеческого мышления кажется чем-то радикально иным по отношению ко всему тому, что привычно для классической западной философской традиции. Вместе с тем именно эта радикальная инаковость и заставляет всерьёз усомниться в том, что кто-то в самом деле мог понимать (и тем более использовать) человеческое мышление таким образом, и причём в течение столетий.

Несмотря на то, что некоторые экстравагантные утверждения Ч. Хансена были неожиданно поддержаны таким авторитетным исследователем и знатоком китайской философии, как Ангус Чарльз Грэм [ср. 13] тщательное опровержение теории Ч. Хансена не заставило себя долго ждать. С этим опровержением, которое, по-видимому, можно считать окончательным, выступил в своей статье "Сино-логические маргиналии" [18]¹⁰ профессор Университета г. Осло Кристоф Харбсмайер, автор многочисленных работ по китайской философии, среди которых – фундаментальная первая часть ("Язык и логика") седьмого тома энциклопедии Дж. Нидэма "Наука и цивилизация в Китае" [19]. На обширнейшем материале древнекитайской философской и исторической литературы К. Харбсмайер показал, что:

(1) не только в самом китайском языке, разумеется, были и есть предложения, но и древнекитайские авторы выделяли предложение как синтаксическую единицу и некоторое законченное выражение мысли [18, с. 145–147];

(2) в китайском языке вполне различались исчисляемые и неисчисляемые существительные, и древнекитайские авторы вполне отдавали себе отчёт в этом различии [18, с. 155–161; 19, с. 311–320];

(3) учение Ч. Хансена о том, что китайские имена существительные относятся к "мереологическим классам, распределённым в пространстве-времени" и понимались в качестве таковых древнекитайскими авторами, не находит никакого подтверждения в древнекитайской литературе [18, с. 156; 19, с. 312];

(4) в китайском языке и в древнекитайской философии имелось и широко использовалось понятие истины как соответствия между описательным предложением (а также выраженной в нём мыслью или пропозицией) и описываемым положением дел [18, с. 126–141; 19, с. 193–209];

(5) в древнекитайской литературе имелось понятие такой пропозициональной установки, как убеждение [18, с. 144–145].

Таким образом, обычного непредвзятого прочтения древнекитайских текстов оказывается вполне достаточно, чтобы установить неосновательность воззрений Ч. Хансена на китайский язык, а равно и отсутствие в древнекитайской литературе предпосылок для компьютерной теории мышления в том виде, в котором её излагал Ч. Хансен. Более того, набросанная К. Харбсмайером картина древнекитайской философии обнаруживает удивительную близость к античной и позднейшей европейской философской традиции¹¹. К слову, не одно из опровержений К. Харбсмайера не было, в свою очередь, опровергнуто или хотя бы даже оспорено самим Ч. Хансеном (при том что, как явствует из замечания К. Харбсмайера, он ознакомил Ч. Хансена с рукописью своей статьи до её публикации).

Помимо вопиющего несоответствия эмпирическим данным априорная теория Ч. Хансена ещё и не даёт никакого ответа на вопрос о том, каким образом отмеченные её автором (но, как оказалось, не существующие) особенности китайского языка предопределили возникновение в древнекитайской философии именно компьютерной теории мышления. Даже если бы все указанные Ч. Хансеном языковые особенности действительно существовали, необходимо было бы прежде всего описать и подтвердить эмпирическими данными предполагаемые способы их влияния на построение теорий языка и

¹⁰ Краткое изложение этой работы К. Харбсмайера см. в упоминавшейся выше статье [1, с. 113–121].

¹¹ Подобного же рода близость может быть обнаружена и при выявлении ценностных предпочтений, в частности на материале литературных произведений. Эскиз сравнительного анализа ценностных предпочтений на примере поэтических текстов см. в статье [3].

мышления. Здесь мы сталкиваемся с трудностью, похожей на встреченную нами у И. В. Киреевского: указание предполагаемой причины тех или иных духовных или социальных явлений требует ещё и описания механизмов, посредством которых эта причина приводит к возникновению соответствующих следствий. Без описания таких механизмов введение причины, пусть и обладающей *prima facie* значительной объяснительной силой, отдаёт произвольностью и не может быть рационально приемлемым.

Вместо заключения: влияние априорных теорий и гипотетико-дедуктивный метод как разумная альтернатива в гуманитарных исследованиях

Тем не менее привлекательность оригинальности, по-видимому, оказалась такова, что даже раздел (и не только он один) в упомянутой выше коллективной монографии, посвящённый разбору теории Ч. Хансена и изложению возражений К. Харбсмайера, в итоге оказался настолько видоизменён, что взгляды Ч. Хансена предстают уже вполне заслуживающими внимания и не лишёнными известных достоинств. Впрочем, как выяснилось, удивляться тут было нечему, так как и сама коллективная монография стала очередным вкладом в копилку априорных теорий, что, однако, не помешало (наверное, скорее даже помогло) ей стать довольно цитируемым изданием. А видоизменённый раздел для восстановления справедливой оценки пришлось расширить до отдельной статьи, чтобы опубликовать исходный материал в неискажённом виде.

Между тем, показав на нескольких примерах недостатки априорных теорий, мы почти ничего не сказали о противоположной крайности – о превращении научного исследования в простое описание и обобщение эмпирических данных из приглянувшейся исследователю области. Трудность здесь заключается в том, что в отличие от априорных теорий кратко пересказать содержание таких исследований невозможно: нам пришлось бы просто констатировать отсутствие в соответствующем исследовании интересных и познавательных теоретических размышлений, но подтвердить это в своей статье мы бы никак не смогли – ведь для этого нужно было бы привести текст всего исследования. Поэтому здесь мы вновь ограничимся простым указанием на существование таких мало что проясняющих исследований и на их сомнительную научную ценность. На наш взгляд, в отечественных социальных и гуманитарных науках подобного рода исследований более чем достаточно – во всяком случае не меньше, чем образцов априорного теоретизирования разного масштаба.

В заключение можно было бы высказать какие-то предположения относительно того, почему в науке, гордящейся своими стандартами рациональности, настолько распространены исследования, явно не дотягивающие до этих стандартов. Помимо прочего, априорное теоретизирование, как кажется, удовлетворяет нашу потребность быстро отыскивать шаблоны, позволяющие нам лучше ориентироваться в большом количестве сведений, а отказ от поиска теоретических принципов и объяснений может отвечать нашему стремлению экономить усилия. В любом случае ни то, ни другое не было бы так распространено, если бы не находило широкого признания в сообществе учёных, занимающихся социальными и гуманитарными исследованиями.

Что касается методологических соображений, которые кажутся наиболее разумными нам самим, то для безопасного исследовательского плавания между Сциллой эмпиризма и Харибдой априоризма мы не видим ничего лучше привычного гипотетико-дедуктивного метода, кратко описание которого можно найти у Юна Эльстера (термин "каузальные положения" он понимает здесь в широком смысле – как указание на один из трёх упоминавшихся выше видов причинности):

1. Выбрать теорию, набор взаимосвязанных каузальных положений, которая предоставляет самые большие перспективы успешного объяснения.

2. Подобрать гипотезу, которая согласует теорию с головоломкой, то есть чтобы экспланандум логически вытекал из гипотезы.

3. Установить или представить себе надёжные основания, которые могут дать альтернативные объяснения, снова таким образом, чтобы экспланандум логически вытекал из каждого из них.

4. Опровергнуть все конкурирующие объяснения, указав для каждого на дополнительные, поддающиеся проверке следствия, которые в действительности не наблюдаются.

5. Усилить предложенную гипотезу, показав, что она имеет дополнительные, поддающиеся проверке следствия, желательные новые факты, которые находят своё подтверждение в действительности" [8, с. 28].

В дополнение к этому описанию стоит ещё, пожалуй, напомнить, что, как показывает история науки, несоответствие эмпирическим данным само по себе ещё не должно становиться основанием для отказа от соответствующего теоретического положения или от всей теории целиком: вполне допустимо введение вспомогательных гипотез, объясняющих расхождение с эмпирическими данными. Ясно, однако, что теория при этом не может оставаться неизменной – это, как мы видели, принимал во внимание И. В. Киреевский, но не Ч. Хансен.

Наконец, теория не обязана сразу быть всеохватной или даже просто очень обширной – она вполне может ограничиться не самой большой предметной областью: возможно, это не даст сенсации, но зато кое-что поможет понять с уверенностью. И в этом отношении полноценное понимание собственного, а равно и любого другого, общества возможно только на путях постепенного теоретического осмысления, не жертвующего стандартами рациональности и всякий раз готового отказаться от уже достигнутого в пользу более обоснованного.

Литература

1. Буланенко М. Е. Для всякой ли философии важна истина? Два взгляда на философию доханьского Китая // *Россия и АТР*. 2013. № 1. С. 105–121.
2. Буланенко М. Е. Уроки И. В. Киреевского для современной философии // *Вестник ПСТГУ*. Серия I. Богословие. Философия. Религиоведение. 2017. № 6. С. 44–66.
3. Буланенко М. Е. Философская теория ценностей и аксиологические основания русской и китайской культур // *Дальний Восток России и Китай: диалог культур стран-соседей [Электронный ресурс]: междунар. научно-практич. конф.: материалы / ред. кол.: Г. В. Алексеева (отв. ред.), И. И. Крыловская, Д. А. Владимирова*. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2018. С. 185–189.
4. Дюгем П. *Физическая теория. Её цель и строение*. М.: КомКнига, 2007.
5. Киреевский И. В. *Критика и эстетика / Сост., вступ. статья и примеч. Ю. В. Манна; Редкол.: М. Ф. Овсянников (пред.) и др. М.: Искусство, 1979*.
6. Куайн У. В. О. Две догмы эмпиризма // *С точки зрения логики: 9 логико-философских очерков / Пер. с англ. В. А. Ладова и В. А. Суровцева; Под общ. ред. В. А. Суровцева*. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. С. 24–48.
7. Хомяков А. С. *Сочинения в двух томах. Том 1. Работы по историософии*. М.: Московский философский фонд, Медиум, 1994.
8. Эльстер Ю. *Объяснение социального поведения: ещё раз об основах социальных наук / пер. с англ. И. Кушнаревой*. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высшей школы экономики, 2011.
9. Cohen G. A. *Karl Marx's theory of history: a defence*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
10. Elster J. *Marxism, functionalism, and game theory: the case for methodological individualism // Theory and society*. 1982. № 4 (vol. 11). P. 453–482.
11. Essler W. K. *Wissenschaftstheorie IV: Erklärung und Kausalität*. Freiburg, München: Alber, 1979.
12. Fraassen B., van. *The scientific image*. Oxford: Clarendon Press, 1980.
13. Graham A. C. *The disputation of Kung-sun Lung as argument about whole and part // Philosophy East and West*. 1986. № 2 (vol. 36). P. 89–106.
14. Hansen C. *Language and logic in Ancient China*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1983.
15. Hansen C. *Chinese language, Chinese philosophy, and "truth" // Journal of Asian studies*. 1985. № 3 (vol. 44). P. 491–520.
16. Hansen C. *Language in the heart-mind // Understanding the Chinese mind: the philosophical roots / ed. by R. E. Allinson*. Hong Kong: Oxford University Press, 1991. P. 75–124.
17. Hansen C. *A Daoist theory of Chinese thought: a philosophical interpretation*. New York: Oxford University Press, 1992.

18. Harbsmeier C. *Marginalia sino-logica // Understanding the Chinese mind: the philosophical roots* / ed. by R. E. Allinson. Hong Kong: Oxford University Press, 1991. P. 125–166.
19. Needham J. *Science and civilisation in China. Vol. 7, Part 1: Language and logic* / by C. Harbsmeier; ed. by K. Robinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
20. Okasha S. *Philosophy of science: a very short introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Транслитерация по ГОСТ 7.79-2000 Система Б

1. Bulanenko M. E. *Dlya vsyakoj li filosofii vazhna istina? Dva vzglyada na filosofiju dokhan'skogo Kitaya // Rossiya i ATR*. 2013. № 1. S. 105–121.
2. Bulanenko M. E. *Uroki I. V. Kireevskogo dlya sovremennoj filosofii // Vestnik PSTGU. Seriya I. Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie*. 2017. № 6. S. 44–66.
3. Bulanenko M. E. *Filosofskaya teoriya tsennostej i aksiologicheskie osnovaniya russkoj i kitajskoj kul'tur // Dal'nij Vostok Rossii i Kitaj: dialog kul'tur stran-sosedej [Elektronnyj resurs]: mezhdunar. nauchno-praktich. konf.: materialy / red. kol.: G. V. Alekseeva (otv. red.), I. I. Krylovskaya, D. A. Vladimirova. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta, 2018. S. 185–189.*
4. Dyugem P. *Fizicheskaya teoriya. Eyo tsel' i stroenie*. M.: KomKniga, 2007.
5. Kireevskij I. V. *Kritika i ehstetika / Sost., vstup. stat'ya i primech. Yu. V. Manna; Redkol.: M. F. Ovsyannikov (pred.) i dr. M.: Iskusstvo, 1979.*
6. Kuajin U. V. *O Dve dogmy ehmpirizma // S tochki zreniya logiki: 9 logiko-filosofskikh ocherkov / Per. s angl. V. A. Ladova i V. A. Surovtseva; Pod obshh. red. V. A. Surovtseva. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2003. S. 24–48.*
7. Khomyakov A. S. *Sochineniya v dvukh tomakh. Tom 1. Raboty po istoriosofii*. M.: Moskovskij filosofskij fond, Medium, 1994.
8. Ehl'ster Yu. *Ob'yasnenie sotsial'nogo povedeniya: eshhyo raz ob osnovakh sotsial'nykh nauk / per. s angl. I. Kushnarevoj. M.: Izd. dom Gos. un-ta Vyshej shkoly ehkonomiki, 2011.*
9. Cohen G. A. *Karl Marx's theory of history: a defence*. Princeton: Princeton University Press, 2000.
10. Elster J. *Marxism, functionalism, and game theory: the case for methodological individualism // Theory and society*. 1982. № 4 (vol. 11). P. 453–482.
11. Essler W. K. *Wissenschaftstheorie IV: Erklärung und Kausalität*. Freiburg, München: Alber, 1979.
12. Fraassen B., van. *The scientific image*. Oxford: Clarendon Press, 1980.
13. Graham A. C. *The disputation of Kung-sun Lung as argument about whole and part // Philosophy East and West*. 1986. № 2 (vol. 36). P. 89–106.
14. Hansen C. *Language and logic in Ancient China*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1983.
15. Hansen C. *Chinese language, Chinese philosophy, and "truth" // Journal of Asian studies*. 1985. № 3 (vol. 44). P. 491–520.
16. Hansen C. *Language in the heart-mind // Understanding the Chinese mind: the philosophical roots* / ed. by R. E. Allinson. Hong Kong: Oxford University Press, 1991. P. 75–124.
17. Hansen C. *A Daoist theory of Chinese thought: a philosophical interpretation*. New York: Oxford University Press, 1992.
18. Harbsmeier C. *Marginalia sino-logica // Understanding the Chinese mind: the philosophical roots* / ed. by R. E. Allinson. Hong Kong: Oxford University Press, 1991. P. 125–166.
19. Needham J. *Science and civilisation in China. Vol. 7, Part 1: Language and logic* / by C. Harbsmeier; ed. by K. Robinson. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
20. Okasha S. *Philosophy of science: a very short introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2016.

Буланенко М. Е., Поповкин А. В. Между Сциллой и Харибдой: об эмпиризме и априоризме в регионаловедческих исследованиях.

В современных социальных и гуманитарных науках, к которым относятся и регионаловедческие исследования, распространены два противоположных, но одинаково неплодотворных для познания подхода – простое описание и обобщение эмпирических данных и построение априорных теорий и классификаций в отрыве от эмпирических данных. Хотя оба эти подхода имеют давнюю историю, большую известность приобретают априорные теории, первой из которых в отечественной науке стала теория духовно-исторических типов И. В. Киреевского (1806 – 1856). Одной из теорий, оказавших значительное влияние на исследования духовной культуры дальневосточного региона, стала интерпретация Ч. Хансеном доханьской философии Древнего Китая. Согласно Ч. Хансену, китайские философы придерживались своего рода компьютерной теории мышления и тем самым радикально расходились с западной философской традицией. В дальнейшем эта теория была опровергнута К. Харбсмайером на обширном эмпирическом материале, однако априорное теоретизирование продолжает оказывать своё влияние на исследования духовной культуры Дальнего Востока. Разумную альтернативу эмпиризму и априоризму в регионаловедении мог бы составить хорошо зарекомендовавший себя гипотетико-дедуктивный метод.

Ключевые слова: философия науки, регионаловедение, эмпиризм, априоризм, объяснение, И. В. Киреевский, древнекитайская философия, Ч. Хансен, К. Харбсмайер, гипотетико-дедуктивный метод

Bulanenko M. E., Popovkin A. V. Between Scylla and Charybdis: on empiricism and apriorism in regional studies.

Contemporary humanities and social sciences, including regional studies, often make use of two opposite, but equally epistemically suboptimal approaches. These are mere description and generalization of empirical data, on the one hand, and excessively aprioristic theorizing, on the other hand. Though both approaches have a long history, it is aprioristic theories that enjoy greater popularity in humanities until today. The first theory of this sort to have become widely renowned in Russia was I. V. Kireevsky's (1806 – 1856) theory of cultural types. Among the most influential theories relevant for the studies of cultural traditions of the Far Eastern region is C. Hansen's famous interpretation of pre-Han philosophy as radically different from its western counterpart in developing a kind of computer theory of mind. Eventually, C. Hansen's theory was refuted by C. Harbsmeier on the basis of extensive textual evidence. However, aprioristic theorizing still heavily affects the studies of cultural traditions of the Far East. A reasonable alternative to both empiricism and apriorism in regional studies provides the well-established hypothetico-deductive method.

Key words: philosophy of science, regional studies, empiricism, apriorism, explanation, I. V. Kireevsky, ancient Chinese philosophy, C. Hansen, C. Harbsmeier, hypothetico-deductive method

---

Для цитирования: Буланенко М. Е., Поповкин А. В. Между Сциллой и Харибдой: об эмпиризме и априоризме в регионаловедческих исследованиях // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020. № 2. С. 32–43. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/32-43

For citation: Bulanenko M. E., Popovkin A. V. Between Scylla and Charybdis: on empiricism and apriorism in regional studies // Ojkumena. Regional researches. 2020. № 2. P. 32–43. DOI: 10.24866/1998-6785/2020-2/32-43

